

Источник: Бабенышева С. Вместе с народом / С. Бабенышева // Дружба народов. — 1956. — № 7. — С. 157-162.

В. Турбин

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

Умер секретарь райкома партии. Умер внезапно, от инфаркта. Хоронили торжественно, а скорби не было. Не оставил по себе Комелев долгой и доброй памяти. Так с первой страницы повести В. Тендрякова начинается разговор о главном — о человеческой жизни, о неразрывности ее связей с жизнью народа.

Смерть Комелева — пролог к теме, начало разговора. Что же хоронит писатель? Трусость мысли, инерцию, неверие в народ.

Тендряков беспощаден к своему герою, он и смерти не разрешает что-либо примирить, сгладить. Старый учитель говорит на похоронах о Комелеве: «Он любил вас, товарищи». Слова эти сопровождаются аккомпанементом траурного марша и мыслей присутствующих: «Любил, а жили пло-

хо, немного в районе было крепких колхозов. Что ж за любовь?»

Картина похорон заканчивается символически.

Забрела на кладбище какая-то ветхая старушка и, остановив выцветший взгляд на Игнате, спросила:

«— Кого, милый, хоронят?»

— Секретаря райкома, бабушка, Комелева.

— Из начальства, видать. С ружей палили.— Старушка, повернувшись лицом к могиле, перекрестилась.— Прими, господи, душу раба твоего!

Просьба была произнесена скучным голосом, по старушечьей обязанности». Без горя, по обязанности, народ скоронил Комелева.

В чем же дело? Может, он был груб, чванлив, заносчив? Тогда все понятно.

В. Тендряков. Саша отправляется в путь. Повесть. «Новый мир» №№ 2 и 3. 1956 г.

Кто ж таких любит! Нет, задача Тендрякова сложнее,—его герой добр, честен, для народа готов на все. «Готов на все» — слова эти значат не так уж мало: Комелев недосыпал, недоедал, «сгорел на работе». Одною они не обозначают — что он прислушивался к голосу народа, пытал у него правду и нес ее вверх, умел самостоятельно думать.

И это одно оказалось решающим. Любя народ, Комелев не смог доказать своей любви. Исполнительный, наивный и доверчивый, он жил по принципу — начальство за нас думает, начальству-де не возражают.

Комелева в повести нет, и вместе с тем он есть, он фигура нарицательная и весьма распространенная в жизни. Это словно о нем гозорится в журнале «Партийная жизнь»: «Бесспорное положительное качество наших кадров, как исполнительность, в условиях культа личности привело к тому, что многие работники отучились действовать самостоятельно, ждали по каждому поводу директивы. Ориентируясь только на указание сверху, такие работники начали пренебрежительно относиться к голосу рядовых людей, отрывались от масс»¹.

Ложная позиция нейтрализовала доброту Комелева, его хорошие человеческие качества.

«— Человеческие качества? Да в них ли дело? — говорит Игнат Гмызин. — Комелев, слава тебе господи, имел эти качества, не пожалуешься. Честный, прямой... чтоб людям хорошее сделать, на все готов, хоть с любого обрыва в воду... Плохо, если руководитель не имеет этих человеческих качеств, но этого, брат, мало.

— Общие слова, — возразил Гмызину Мансуров.

— Вот послушай. Спускают из министерства, из самой Москвы, план. Ну, скажем, посеять столько-то озимой пшеницы. В области прикидывают по районам, в районе — по колхозам. Попадет этот план наконец к нам — климат не тот, земля неподходящая, такая пшеница у нас никак не может расти. Что я должен сделать? Быстро сообщить: так и так, разрешите поправку в план. Хороший руководитель эту поправку быстро поймет, подхватит, дальше передаст, чтоб путаницы не было. Плохой упрется: начальству-де не возражают. Хороший руководитель на две стороны слышит. Плохой туг на одно ухо: что сверху прикажут — на лету схватит, что снизу посоветуют — не доходит. Вот оно, качество-то... Тем и плох Комелев, что, как ручей по весне, все в одну сторону нес — сверху вниз. Людей любил, добра им желал и не доверял. Часто случается — кого любят, тому не доверяют».

В бесславной смерти Комелева — бесславность этой позиции, позиции недоверия к народу. Да, Тендряков безжалостен к герою, но разрешает себе ни малейшего снисхождения, порой даже кажется, что он слишком жесток, ловишь себя на мыс-

ли. «А так ли уж виноват Комелев? Ведь он честен, добр». И все же беспощадность писателя понятна и оправдана — речь идет о благе народа, а добрый Комелев и неплохой, но «жидко замешанный» Басев, сменивший его, оба мало что сделали для этого блага, удольствовались ролью слепых исполнителей. Тема, начатая в прологе, развивается в дальнейшем в произведении: вся повесть — это развенчание позиции тех, кто «туг на одно ухо», не прислушивается к голосу народа. «Саша отправляется в путь» — это повесть о доверии к людям, о возможностях народа, в частности о возможностях молодого поколения, которое отправляется в путь.

Комелев умер, сын его Саша входит в самостоятельную жизнь. При жизни отца его драма, «драма Комелева», на Сашу не распространялась, он ее не разглядел, не понял. Вырос юноша, вырос молодой коммунист, и в жизненную дорогу он взял оставленные ему отцом в наследство мысли, раздумья, чувства. Смерть отца — для него начало пути и начало испытаний.

Жил рядом близкий человек, глядел на мир озабоченными глазами, в минуты откровенности говорил о самом большом своем желании — о красивой жизни на красивой земле...

И мечты его стали уже Сашиними мечтами.

И вот прохладный запах влажного песка, свежая, не затянута дерновиной могила... Удар за ударом. Вслед за похоронами отца Саше приходится хоронить и память о нем. Саша слышит пренебрежительные слова о «комелевских порядочках», которые еще не выветрились в райкоме. «Даже когда хоронили отца, — говорит автор, — не было так тяжело Саше. Отец умер, исчез, осталось после него самое хорошее — память о нем. Теперь нужно было хоронить последнее — эту хорошую память. Ничего не осталось! Жил — и нету, нечем вспомнить. Невозможно это! Нельзя согласиться! Страшно! Быть ничего не может страшнее».

Преодолеть трагедию Саше помогает Игнат Гмызин, человек, от которого Саша впервые услышал о «комелевских порядочках». Противник отца становится другом сына, его духовным воспитателем.

Если Комелев, условно говоря, учил сына добру, то Игнат — тому, как бороться за это «добро». Но «добро» они понимали одинаково. И Комелев и Игнат люди одного лагеря. И драма Комелева объясняется не столько его характером, сколько обстановкой, в которой он действовал, обстановкой, порожденной культом личности. Поэтому смерть Комелева — это смерть не человека, а позиции. Кто его знает, останься Комелев в живых, не изменил бы и он своей позиции?

Начало повести — смерть Комелева, первое горе Саши, первое его разочарование, первая и обманная любовь — все это написано превосходно.

Хорош Саша и в конце повести, когда с героев сброшены маски и он начинает понимать, где его противники, готов к борьбе с ними. Но в середине произведения образ

¹ «Партийная жизнь», 1956, № 8.

героя как-то выветривается, отступает на задний план. Заглавие повести оказывается неправым: Саша не стал ее главным героем.

Есть в повести Тендрякова образ лесных дорог, разнообразных, как разнообразно движение человеческой жизни. Здесь и «дороги бойкие, они бегут от деревни к деревне», и дороги, колеи которых еле заметны, поросли мягкой, нежной травкой. «Но еще есть дороги,— говорит автор...— Как иногда в чистом небе бывает трудно различить, распылившееся ли это облачко или просто марево, так не поймешь, дорога ли тут или же редкий лес. Часто там, где по расчету должна проходить самая середина дороги, безылажно растут юные елочки».

Как ни условно это сравнение, композиция повести напоминает именно такую дорогу. И дело даже не в том, что главный герой исчезает из поля зрения читателя, а в том, что путь его — это эпизоды из его жизни, а не движение характера. В повести есть сцены, которые никакого отражения в характере героя не находят. Таковы, например, сцены встречи Саши с Настей Бакулиной, любовь Саши к Саше. Как ни хорош сам по себе образ деревенской соблазнительницы, в произведении ему не найдено место. А там, где, казалось, мир должен был бы открыться глазам Саши, Саша внезапно исчезает.

Молодой человек, отправившись в путь, заблудился и оказался на время выключенным из общей атмосферы жизни, заблудившейся оказалась, таким образом, и тема воспитания молодого поколения, воспитания детей Комелевых.

А путь детей Комелевых — это путь молодежи, которая живет и работает для блага народа; естественно, что в повести о народной силе, народной инициативе тема эта одна из центральных. Но автор уходит от нее, разоблачение Мансурова, секретаря райкома, преемника Комелева и Баева, дано в произведении уже не глазами Саши, а глазами автора и Игната.

Если призрачной была доброта Комелева,— любя народ, он не смог проявить своей любви,— то призрачна и сила Мансурова, хотя в начале произведения мы попадаем под обаяние этой силы. «С семнадцати лет пытаю судьбу, ишу чего-то большого, хочу расправить плечи...», «Мне хочется среди людей быть лучшим! Попробуй, упрекни меня за это! Хочу! Мечтаю!» — говорит Мансуров. «Я силы чувствую, расти хочется, а вот застыл, как гриб, прихваченный заморозком». Сильный человек. Но по-своему понятное стремление «быть лучшим» приводит в дальнейшем Мансурова к краху.

Мансуров — кристаллический тип карьериста. У нас часто карьеристов изображают людьми бездарными, лишенными обаяния. Есть и такие. Но сейчас они не страшны, взлеты их кратковременны. Опаснее те из них, кто понимает, что завоевать доверие людей можно лишь решительными поступками, делом, и они идут на риск, действуют решительно. Известно, что движущие причины хороших поступков могут

быть и дурными. Не зря говорится: «Когда двое делают одно и то же — это еще не одно и то же». Но смелость кончается, как только удастся «взлететь». Таков Мансуров. Он приходит к руководству райкома, как человек смелый и решительный. Он нарушил спокойное течение жизни, он победитель Баева, он восстал против «комелевских порядков», он «хозяин» папки, в которой собраны цифры, документы о неполадках районного планирования.

— А скажи, — спрашивает Мансуров Игната, — вот если бы тебя спросили, что мешает подняться району... Ты бы сумел хоть что-нибудь посоветовать?..

— Я бы перетряс планы, которые к нам приходят из области.

— А точнее?..

— Наши места созданы для того, чтобы молоко рекой от нас текло. Заливные луга какие! А суходолы! На траве — молочный скот, на картошке — свиноводство да еще лен. Вот наш талант! А район наш считают зерновым, долбят планами: сейте хлеб, сейте хлеб! Он не растет, гибнет осенью от дождей... Талантами земли не пользуетесь...

И Мансуров понимает — прав Игнат, прав агроном Чистотелов, правы те, кто понимает, что планировать надо, пользуясь талантами земли. Мансуров и берет инициативу в свои руки. Он даже идет на риск, но райком его не поддерживает. «Твси замечания интересны и смелы, но они могут расшатать налаженный порядок, внести дезорганизацию в работу... нарушить дисциплину», — говорит Баев. Сцена заседания бюро райкома, на котором обсуждается мансуровская папка, написана удивительно точно, здесь каждое выступление — это человек, характер. Больше не появляется на страницах повести инструктор райкома Зибина, ярая «любительница» самокритики, но не запомнить ее нельзя.

Мансуров вступает в решительную борьбу; он смел, он рискует, он инициативен. И главное — он борется за то, что необходимо народу.

Старая, потерянная папка с лиловыми завязками, в которую Мансуров собирал материал о планировании, стала как бы действующим лицом произведения, она символ народной воли. При ее помощи Мансуров стал секретарем райкома. Но как только он достигает власти, он забывает о «папке», перестает прислушиваться к голосу народа. Ветер честолюбия несет его вперед, кружит голову. Комелев был инертен и потому «нес» все лишь в одну сторону — «сверху вниз»; Мансуров разрушил инерцию, но затем пошел тем же путем, это был наиболее легкий путь для сохранения служебного положения. Побуждения различные, результат один.

Мансуров — человек мнимой смелости, мнимой решительности. По природе он, как и многие карьеристы, актер, его привлекает показная сторона дела. Ради утверждения собственных интересов он жертвует всем, даже интересами народа. Вот почему Мансуров и становится виновником гибели Мургина.

История Феодосия Мургина, зажиточного хозяина, ставшего одним из лучших председателей колхоза, напряженная, драматическая история жизни и гибели человека, могла бы служить материалом для отдельной повести.

Феодосий сросся с хозяйством, сначала своим, потом колхозным. «За последние дни вот оглянулся назад,— говорит он Мансурову... — и увидел — глупая у меня была жизнь, длинная и глупая. Одно интересное в ней — колхоз... Из шестидесяти лет — двадцать». Это «одно интересное» отнял Мансуров. Ему нужно было «взлететь», нужны были «громкие дела». Он завез в район племенной скот, хотя знал, что нет для него ни подготовленных помещений, ни кормов, но ему было важно другое — работа районных руководителей «будет измеряться тем, сколько район возьмет на свои плечи племенного скота». Завез, а коровы стали гибнуть. Погибли две коровы и в колхозе Мургина. Мансуров испугался. Мост карьеры дал трещину, вот-вот обнаружится авантюризм его затей. И он беспощаден.

«— Мне шестьдесят пять лет, — говорит ему Мургин. — Павел Сергеевич, две коровы, пусть самых породистых, ведь не дороже они человека. Все сломается у меня! Все!

— Не в коровах дело! Прости тебя — другие спусят рукава. Нет, не обесудь, в следственные органы заявим, районную газету заставим кричать о твоём ротозействе... Да как тебе не стыдно, товарищ Мургин, оглянись — пришел милости выпрашивать...

— Верно... Стыдно».

Мургину стыдно, но положение его безвыходно, нет для него жизни вне колхоза, вне партии. И Мургин покончил с собой.

Зачем писатель дает возможность своему герою покончить с собой? Разумеется, не для того, чтоб оправдать самоубийство.

Ушел из жизни честный, талантливый человек, подлинный представитель народа, — так вынесён самый суровый приговор Мансурову, приговор карьеризму. Карьеризм стоит на пути народного блага, счастья людей, на пути человеческой жизни — таков подтекст этой драматической сцены.

Мысль эта подчеркивается одной деталью. В разговоре с Мансуровым Мургин уронил свой картуз и, не заметив, наступил на него сапогом. Наступил Мургин на собственную жизнь, незачем она была ему без колхоза и партии. Этот кожаный вытертый картуз так и остался в кабинете Мансурова, спрятанный в самый нижний ящик стола, остался как напоминание о гибели нещеповатого человека.

Приговор писателя тем беспощаднее, что Мансуров так и не осознает себя палачом, убийцей, он бежит от своей совести, но гибель человека тревожит его, а страх за себя, за свое место в жизни: «Кем он станет, если его отстранят от работы, куда пойдет?» Мансуров терпит крушение во всем, он духовный банкрот. Даже любить он не умеет. Рядом с ним блекнет его жена Анна. Бесплодна и любовь Кати к нему.

«Вы для меня выше всех, — говорит ему

девушка. — Счастьем было бы вечно быть с вами, вечно помогать вам... Вы не знаете, кто вы для меня! Вы для меня не только любовь. Больше! Вы моя надежда!»

Катя обманута в любви, ожиданиях, обмануты ее надежды. Мансуров вызвал чувство и ушел от него, он не умеет любить, да и понимает, что Катя любит не его, а выдуманного ею человека.

Любовный конфликт в повести непосредственно связан с общественным, он и есть отражение общественного конфликта. Катя молода, красива, мечтает о подвиге. «А я вот жду чего-то большого, — говорит она Саше, — задания какого-то особенного... Ты не смейся, но мне хочется чего-то головокружительного. Приказала бы партия — умри! Умерла бы! Тебе смешно? Наивная девчонка мечтает о подвиге, детство не выдохлось».

Но до подвига Катя не доросла.

— Как мне на целину хотелось уехать, — говорит она Саше.

— Почему же не уехала?

— Думала, думала, и руки опустились. Ну что я умею делать? Я не тракторист, не механик, не комбайнер, даже не прицепщик».

Катю не учили работать, ее учили руководить. С четырнадцати лет она на руководящей то пионерской, то комсомольской работе. И хотя она искреня в мечтах, желаниях, бескорыстна в чувствах, но она «испорчена» руководящей работой, стронится будничного, небольшого дела, ей нужны видимые знаки героизма, нужен успех, шум. «Я вот тебе позавидовала, — говорит она Саше. — Решил в колхоз — и пошел, стал учиться запрыгать лошадей в косилку. Как подумаю — тракторы выключать разные, грязный мазут... обычное, небольшое. Честное слово, завидую тебе».

Катю вначале увлекло в Саше это «обычное, небольшое» умение приблизить мечту, но именно потому, что Саша обычен, увлечение не было длительным. В Кате есть что-то от чеховской «попрыгуньи», только это насквозь современная «попрыгунья». Она вся в поисках необычного, и не умеет увидеть необычное в обычном.

Трагедия Кати — это трагедия молодежи, воспитанной в духе идолопоклонства. Верно говорится об истоках такого характера в статье Б. Борнсова «Партийная демократия и воспитание кадров»: «Было бы наивным полагать, что в условиях, когда в литературе, произведениях искусства, в повседневной практике руководства, в школе — всюду насаждался культ личности, могли сформироваться кадры, свободные от его последствий. Каждый, хочет он того или нет, является сыном своего времени»¹.

Катя — испорченное дитя своего времени. Отсюда ее боязнь обыденности, любовь к эффективности, отсюда и привычка к духовному иждивению — за нее всегда думали другие. Отсюда и характерное для Кати отождествление лица партии с действиями и поступками отдельных партийных работников. Секретарь райкома для

¹ «Партийная жизнь», 1956, № 8.

Кати прав уже потому, что он секретарь, она не разрешает себе вдумываться в существо вопроса.

«— Значит, райком партии против выгоды района. Смешно. Кто поверит этому?»— говорит она Саше, узнав, что в райкоме осуждена мансуровская папка. Ей в голову не приходит, что в райкоме сидят живые люди, они могут ошибиться и вслед за этим исправить свои ошибки.

Катя бескорытна в своем чувстве к Мансурову. Но полюбила она в нем победителя. Когда он боролся и папка вызывала споры и осуждения, она была на стороне его противников. И причина этого не в корыстности ее чувства, а в том, что и в любви она остается идолопоклонником.

Катя не может любить Сашу: он товарищ, он такой же, как она, он рядом. А ей нужен человек, которому она могла бы поклоняться, ей нужно верить, что ее любимый непогрешим; если б оказалось иначе, она б не могла его любить. Катя и полюбила Мансурова как силу, которой за нее дано думать и решать. Мансуров для нее «человек, создающий жизнь».

Тендряков дает характер своей героини в его сложных переплетениях, он осуждает театральность Кати, ее мнимый героизм, отсутствие самостоятельности, но верит, что, переболев этой дурной болезнью времени, Катя освободится от духовного иждивенчества, от «карманного идолопоклонства», как говорит Герцен. Придет она к этому, пройдя через крах своей любви. Вера в будущее Кати — в финале повести. Рушатся ее идеалы. В жизни Кати и Мансурова чрезвычайно существенную роль играет сцена, театральные подмостки, даже не в фигуральном, а в буквальном смысле слова. Здесь, на подмостках сцены, красовался Мансуров, он заставлял собой любоваться, он любил себя на сцене. Театральной, бутафорской была любовь Кати к нему. Неслучайно, что крушение этой любви происходит на сцене, в пыльном хаосе старых декораций. Здесь Катя узнает правду о Мансурове, случайно подслушивает его объяснение с секретарем обкома. «А в темном углу сцены, — говорит автор, — среди свернутых холстов на полу, среди щитов, оконных переплетов, дверей, каких-то брусев с торчащими гвоздями, сжавшись в комок, пачкающая платье о побелку фанерной колонны, давилась в молчаливых рыданиях Катя, маленькая, потерянная в этом пыльном хаосе».

Игра окончена, декорации сняты.

Плачущая Катя вызывает значительно большее чувство симпатии, нежели Катя, увлеченная собой: она плачет потому, что ошиблась.

Тендряков верит в возможности своих героев, верит, что в новых обстоятельствах проявятся их лучшие душевные качества.

Верой в возможности человека, в скрытую одаренность человеческой природы согрето все произведение, хотя, казалось бы, в нем много отрицательных персонажей, в нем говорится о весьма существенных недостатках времени. Но говорит об этом писатель именно потому, что верит в лю-

дей, верит в то, что эти отрицательные явления исправимы — их надо назвать для того, чтоб уничтожить.

Во всей повести Тендрякова есть внутренняя полемика с теми, кто, подобно его герою, разъездному корреспонденту Илье Ромадскому, делит единый процесс изображения жизни на складываемые части — обличение и утверждение.

«Илья Ромадский считал себя зрелым корреспондентом, — говорит автор. — Он придерживался теории, которая заключалась в следующем. В нашей жизни важно новое, нарождающееся, а не старое, отмирающее. Новое в нашей жизни — лучшее. Значит, в первую очередь надо показывать только лучшие колхозы, лучших людей. Худшие же колхозы, худшие люди суть старое, отмирающее, они недостойны внимания».

Для Тендрякова обе эти задачи нерасторжимы. Его обличение — это утверждение, оно способствует движению общества вперед; как и в утверждении, скажем, того, что руководителем должен быть такой человек, как Игнат, есть обличение иного стиля руководства — обличение Комелевых и Мансуровых. Всем ходом повествования Тендряков подведет читателя к мысли, что секретарем райкома должен стать Игнат Гмызин. Он верит в народ, он сам народ.

Игнат — человек реального дела. Его не пугает, как Катю, «обычное, небольшое». Больше того, — он человек обычного, не большого дела, героизм его незаметен, он складывается из будничных поступков. Игнат немолод, но понимает, что вскоре нельзя будет быть председателем колхоза без образования, и идет учиться в школу, затем в институт. Казалось бы, обычный поступок, но он говорит о многом.

Перебрасывая мостик к прошлому, вспоминаешь, что тревожное желание «претряхнуть планы» шло от Игната, а не от Мансурова, Мансуров лишь понял своевременность этого и подхватил идею.

И если вначале Игнат поддерживает Мансурова, то неизбежным становится конфликт, в который он с ним вступает.

Подлинная человечность открывается обычно не сразу. Не сразу чувствует и читатель силу Игната. Чем больше узнаешь этого человека, тем большее чувство симпатии к нему испытываешь. Любимые герои Тендрякова обычно красивы не брошенной, эффектной, а медленно открывающейся красотой. Так воспринимает и Саша Игната. «Между Сашиным домом и школой на пустыре, теперь застроенном сельским магазином и складами, раньше стояла осина. Каждый день Саша по нескольку раз проходил мимо нее, не замечая, не обращая внимания. И вот однажды в летний день... Саша бросил случайный взгляд на осину. Бросил и остановился: тонкий ствол отливал металлическим холодком, твердые листья несомненно окружают его, цвет их под стать стволу — неяркий, серебристо-прохладный, осинка живет, дышит, купается во влажном, густом воздухе. В течение многих лет каж-

дый день по нескольку раз пробегал мимо и не замечал, что она красива. Стой и смотри. Хоть час, хоть два — нисколько не надоест. Открытие. Так иногда поражаешься красоте человека».

Победа Игната в повести — это победа народной инициативы, победа тех, кто поддерживает эту инициативу.

Тема народной силы, умелости народа — постоянная тема Тендрякова. Естественно поэтому, что в его произведениях обычно присутствует образ нашей действительности — и с тем добрым, хорошим, сильным, что есть в ней, и с ее слабостями и недостатками. Тендряков, так же как и его любимые герои, писатель воинствующей активности. «Я думаю, не тот честный, — говорит Игнат Саше, — кто в чужой карман не залез, а тот, кто другого схватил, залезть не дал. Последнее — то труднее». Разоблачая карьеризм Мансурова, инерцию Комелева,

стяжательство Ряжкиных, ограниченность Глазычевой («Не ко двору»), самовластие Чупрова («Падение Ивана Чупрова»), писатель стоит на страже Игната и Саши, на страже народа, он не дает «залезть в карман» нашего общества.

О чем бы ни писал Тендряков, главным героем его повестей и рассказов остается народ, наша действительность, поэтому его произведения современны в подлинном смысле этого слова: они будят мысль, заставляют оглядываться, находить протипов произведений в жизни и видеть их истинное лицо в нашем обществе. И хотя последняя повесть Тендрякова художественно слабее предшествующей («Не ко двору»), но она значительнее по существу, воинственнее по характеру, она дороже нам по своему пафосу, а пафос ее — в доверии к народу.

С. Вабеньшева

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДИВОСТЬ И ПРАВДА ИСКУССТВА

Существуют произведения, мимо которых, независимо от их художественного уровня, нельзя пройти равнодушно. Они затрагивают важные вопросы сегодняшнего дня или недавнего прошлого, которое, став уже историей, живет в нашей памяти, живет наряду с настоящим и в органической связи с ним. И мы ревниво следим за каждым произведением, где это прошлое воспроизводится. Раскрыло ли оно, это произведение, характерные черты сложной борьбы, происходившей в нашем обществе? Донесло ли оно правду этой борьбы до ума и сердца молодого поколения, познающего наше недавнее прошлое только по историческим исследованиям и романам, пьесам и фильмам?

На Украине, в издательстве «Молодь», вышел роман Леонида Серпилина «Зодчие».

Действие романа относится к 1931—1932 годам и происходит в Киеве. В центре его изображение студентов и преподавателей архитектурного факультета строительного института. Главный герой произведения, рабочий паренек Сергей Закриничный, как и ряд его товарищей, попадает в институт в тот период, когда в архитектуре все еще продолжалась ожесточенная борьба между разными группами, на крайних флангах которой находились сторонники конструктивистски-формалистического направления и ревнители классической традиции.

Сергею органически претит вид уродливых домов-коробок, появившихся в городе. Вначале он предполагает, что это случайные грехи некоторых архитекторов. Но, поступив в институт, он узнает, что это продукт определенного направления в архитектуре. В институте господствуют сторонники это-

го «нового направления». Сергей в своем первом студенческом проекте робко прилепил к фасаду вокзала «классические» колонны, и он получает двойку. Зато его однокурсник Ракитянский, сделавший проект в супрематистском духе, получает пятерку. Случай с оценкой этих проектов — последняя капля, переполнившая чашу терпения тех преподавателей и студентов, которые вели борьбу против «нового направления». Партийная организация института возглавляет эту борьбу и дает открытый бой руководству кафедры проектирования, а также ряду преподавателей и студентов, приверженцев этого направления.

Даже из схематически изложенного здесь сюжета романа видно, на какую важную тему написано произведение. Эта тема решается в нем в тесном переплетении с другой важной темой — формирования новой, советской интеллигенции. Важен и исторический момент, изображаемый автором, — годы завершения первой пятилетки, ожесточенной борьбы с остатками разбитых эксплуататорских классов в городе и деревне, с остатками разгромленных буржуазно-националистических групп.

Важные проблемы идеологической борьбы и формирования новой интеллигенции автор стремится раскрыть органически, в изображении характеров и их столкновении. Вопросы политики, эстетики и строительства предстают в нем не только как предмет рассуждений и споров, а как проблемы, которые глубоко переживаются героями — и в ученье, и в быту, и во взаимоотношениях друг с другом.

Но странное дело! Вы читаете роман, один за другим перед вами возникают герои, в ряде случаев вы видите живые характеры и узнаете конкретные черточки эпохи, но по мере знакомства с этими интересными намеченными характерами вы начинаете ощущать какой-то разрыв между

Леонид Серпилин. Зодчие. Роман. На украинском языке. Редактор Р. Пономаренко, Киев, Издательство «Молодь», 1955.